

К пониманию феномена современных «сетевых революций» в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь

УДК 327.8

Владимир АРЧАКОВ, Алексей БАНЬКОВСКИЙ, Юрий АЛЕКСАНДРОВ. К пониманию феномена современных «сетевых революций» в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. На основе комплексного анализа зарубежного опыта в статье рассмотрены основные причины и условия, способствующие формированию предпосылок к реализации сценариев «сетевых революций» в мире. Выделены ключевые особенности подобных революционных преобразований, раскрыты формы, методы и направления деструктивного воздействия на общество в контексте потенциальных рисков национальной безопасности. Выработаны предложения по совершенствованию государственной политики в информационной сфере.

Ключевые слова: национальная безопасность, цветная революция, информационная безопасность, информационные технологии, социальные сети.

Vladimir ARCHAKOV, Alexey BANKOVSKY, Yuri ALEXANDROV. The phenomenon of modern “social media revolutions” in the context of ensuring the national security of the Republic of Belarus. Based on a comprehensive analysis of foreign experience, the article examines the main reasons and conditions that contribute to the prerequisites for “social media revolution” scenarios in the world, highlights the key features of such revolutionary transformations, discloses the forms, methods and areas of destructive impact on society in the context of potential risks to national security. The authors suggest proposals for improving the state information policy.

Keywords: national security, color revolution, information security, information technology, social media.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий обусловило активное распространение современных средств социального взаимодействия и трансформацию процессов социализации в обществе. Одновременно социальные медиа стали все более активно применяться в деструктивных целях. Исследователи социальных конфликтов отмечают резкий рост массовых протестных выступлений в различных странах и регионах мира, которые отличаются активным использованием потенциала глобальной сети Интернет и социальных сетей. С учетом этого нейтрализация рисков национальной безопасности в социальных медиа требует постоянного внимания со стороны уполномоченных государственных и правоохранительных органов, гражданского общества, а указанные вопросы требуют отражения в основополагающих концептуальных документах, в первую очередь в Концепции национальной безопасности, работа над совершенствованием которой проводится в настоящее время.

От цветных – к «сетевым революциям»

В ходе первой волны цветных революций в 2000–2005 годах («бульдозерная революция» в Югославии в 2000 году; «революция роз» в Грузии 2003 года; «пурпурная революция» в Ираке 2003–2005 годов; «оранжевая революция» в Украине 2004 года; «тюльпановая революция» в Киргизии 2005 года; «революция кедров» в Ливане 2005 года) важную роль в технологиях смены политических режимов играли традиционные масс-медиа (телевидение, печатные СМИ и интернет-издания). Они обеспечивали информационное воздействие на общественное сознание накануне и в ходе активной фазы реализации революционного сценария. Сама идея цветных революций была сформулирована одним из авторов методики «ненасильственной» смены власти, американским политологом и основателем Фонда имени Альберта Эйнштейна (США) Дж. Шарпом [1], который издал на эту тему ряд книг (наиболее известные – «От диктатуры к демократии», «Политика ненасильственных действий»).

Владимир АРЧАКОВ,
заместитель
Государственного
секретаря Совета
Безопасности Республики
Беларусь, кандидат
юридических наук

Алексей БАНЬКОВСКИЙ,
начальник управления
Государственного
секретариата Совета
Безопасности Республики
Беларусь, кандидат
юридических наук

Юрий АЛЕКСАНДРОВ,
заведующий сектором
Государственного
секретариата Совета
Безопасности Республики
Беларусь

Вместе с тем последовавшие неудачные попытки реализации подобных сценариев революционных преобразований в ряде стран («васильковая революция» в Беларуси в 2006 году; «кашемировая» – в Монголии в 2008 году; «зеленая» – в Иране в 2009 году и др.) способствовали пересмотру тактики их проведения и корректировке используемых методов, что обусловило переход к цветным революциям нового типа, получившим название «революций социальных сетей» или «сетевых революций», в которых большую роль стали играть интернет-технологии [2].

Значимой предпосылкой для активного использования интернет-технологий в революционных преобразованиях послужило заявление экс-госсекретаря США Х. Клинтон на Форуме будущего в городе Марракеш (Марокко, 3 ноября 2009 года) о растущем приоритете использования сети Интернет во внешней политике Белого дома и анонсирование начала реализации инициативы «Гражданское общество версии 2.0» (Civil Society 2.0). Согласно общему замыслу данной инициативы, «значительные, дезинтегрированные и выстроенные по сетевым принципам автономные сообщества солидарных членов, вооруженные цифровыми технологиями, должны эффективно устанавливать собственные правила жизни, разрушая государственную монополию на власть, информацию и воспитание граждан».

В ходе последующих программных выступлений Х. Клинтон, посвященных «сетевой» свободе, правительства различных стран подвергались неоднократной критике за политическую и религиозную цензуру в СМИ, а внимание общественности акцентировалось на глобальной сети Интернет как инструменте поддержки «демократии». Фактически лидеры мировых государств были поставлены перед выбором: либо обеспечить свободное развитие интернета и распространение коммуникативных интернет-технологий в своих странах и соответственно взять на себя риски, связанные с увеличением потребности людей в политических правах и свободах, либо ограничить свободное распространение информации в Сети, лишившись тем самым экономических и социальных преимуществ, которые предоставляют обществу социальные сети.

Появление понятия «сетевая революция» относится к началу 2011 года, когда по странам Африки и Ближнего Востока прокатилась волна протестов граждан против политики властей (так называемая арабская весна). Начиная с этих событий, в смене правящих режимов важнейшую роль стали играть социальные сети. Они существенно расширили тактические возможности участников массовых протестов, кардинальным образом упростили процесс их консолидации и мобилизации, систему коммуникаций. Интернет, в том числе мобильный, стал важным элементом политической мобилизации протестного характера, поскольку отличался от традиционных СМИ наличием таких преимуществ, как отсутствие географических границ и цензуры, обеспечение работы в режиме реального времени, низкая или нулевая стоимость коммуникации [3].

Таким образом, «сетевые революции» стали представлять собой разновидность цветных революций нового типа, отличительной особенностью которых стало активное использование социальных сетей и коммуникаций для мобилизации протестного электората. Под «сетевыми революциями» следует понимать активное использование современных компьютерных технологий, программного обеспечения, мессенджеров, коммуникационных возможностей интернета – в качестве катализатора протестных настроений, организатора и координатора проведения массовых уличных акций, ставящих своей целью получение от действующей власти уступок, выполнение определенных требований в социально-политической, экономической и других сферах либо смену власти, в том числе неконституционным путем. Подобные процессы получили широкое распространение в различных регионах мира [4]. Озвученные в 2009 году официальными лицами США инициативы уже в 2011 году были активно использованы в процессах так называемой ненасильственной смены политических режимов, став неотъемлемой частью организации и координации массовых акций гражданского неповиновения.

По единому алгоритму

Значение интернета и социальных сетей для революционных сценариев проявилось в трех основных аспектах. Во-первых, была сформирована новая коммуникационная среда, которая отличалась свободой циркуляции политических идей и либеральных взглядов. Во-вторых, отчетливо проявилась координирующая роль социальных сетей как инструмента мобилизации граждан. В-третьих, социальные медиа в условиях жесткой государственной цензуры оперативно информировали общественность о происходящих событиях.

Сценарии «сетевых революций» в Северной Африке и на Ближнем Востоке развивались по единому алгоритму. Их итогом стало свержение глав четырех государств: Туниса, Египта, Йемена и Ливии. Сетевые технологии, которые изначально всерьез не воспринимались властями, активно задействовали в ходе протестных выступлений в Омане, Сирии, Алжире, Иордании, Бахрейне и других странах. Сетевые возможности наиболее широко были использованы в Египте и Тунисе, где революции с применением интернет-технологий принято считать модельными.

В Египте опыт использования социальных сетей в протестной активности считается передовым. В 2011 году Египет занимал первое место по количеству пользователей социальной сети Facebook на Ближнем Востоке и в Северной Африке. На 2012 год около 40 % населения Туниса имело доступ к интернету, а подавляющее большинство регулярно пользовалось социальной сетью Facebook. Кроме того, главным источником новостей в Тунисе выступали именно социальные медиа, которые играли основную роль в формировании общественного мнения.

Поводом для массовых акций протеста в конце января 2011 года послужило убийство полицейскими молодого блогера Х. Саида. Возмущенный действиями представителей силовых структур директор по маркетингу компании Google на Ближнем Востоке, египтянин по происхождению, 29-летний В. Гоним создал в сети Facebook страницу с названием «Каждый из нас Халед Саид», где разместил фотографию «изуродованного стражами порядка юноши». Позднее он начал публиковать многочисленные «документальные свидетельства пыток, фотографии и видеозаписи», якобы обличающие нарушения прав человека в Египте.

Стратегия политической мобилизации посредством социальных сетей В. Гонима способствовала втягиванию общественности в политику через нарастание личной причастности и интенсивности действий. Изначально ставилась цель привлечь многочисленную аудиторию к ознакомлению с размещаемым контентом, в основном дискредитирующим действия властей. На втором этапе пользователям предлагалось комментировать публикации, на третьем – принимать участие в онлайн-кампаниях и самим генерировать контент. В заключительной части предлагалось перевести протест из онлайн- в офлайн – массово вывести людей на улицы. Апогеем «сетевой революции» в Египте стала реализация организованного В. Гонимом в сети Facebook протестного мероприятия «25 января: революция против пыток, бедности, коррупции и безработицы», приуроченного ко дню полиции Египта.

Одновременно была обеспечена массовая рассылка СМС-сообщений об акции. В результате за два дня о мероприятии узнало более полумиллиона человек, из них 27 тыс. подтвердили свое участие. Мобилизационной работе способствовали также лидеры общественного мнения, не являющиеся политическими активистами (певцы, актеры, спортсмены).

В свою очередь, власти Египта объявили социальные медиа «катализатором антиправительственных настроений», блокировав к ним доступ. Еще через два дня во всем Египте был полностью отключен интернет, что стало абсолютно беспрецедентным случаем, поскольку до этого в мире отмечались лишь попытки блокировки отдельных городов. Однако эффект оказался более провоцирующим, нежели сдерживающим. Итоги египетской революции отчетливо продемонстрировали, что даже в условиях почти полного контроля властей над традиционными СМИ социальные медиа оказались способны составить влиятельную альтернативную коммуникацию и обеспечить массовую политическую мобилизацию населения страны [5].

Благоприятная почва для протестных настроений

В Тунисе спусковым механизмом «жасминовой революции» послужила публикация веб-сайта WikiLeaks, компрометирующая действовавшего президента Туниса как коррупционера. Разоблачение незаконных действий главы государства было воспринято обществом как абсолютно достоверное и не требующее дополнительных доказательств. Коррупционный скандал усугубился ростом цен на продовольствие и безработицей. На улицы вышли сотни тысяч

людей. Недовольство постепенно усиливалось, а после акта самосожжения одного из участников перед административным зданием 17 декабря 2010 года в стране начался открытый бунт. Действия протестующих координировались через социальные сети Facebook и Twitter, которые одновременно выполняли информационную функцию. Попытки властей взять под контроль интернет и ограничить доступ к социальным сетям успеха не имели, а лишь усилили недовольство граждан. Впечатления очевидцев и участников революционных действий являлись источником репортажей западных СМИ, что оказывало влияние на позицию официальных лиц ЕС и США. Заявления последних трактовались революционерами как поддержка их позиции, что усиливало давление на режим.

В Йемене, беднейшей и наименее образованной стране арабского мира со значительным числом огнестрельного оружия у населения, в последние десятилетия активно действуют многочисленные вооруженные группировки (шииты, радикальные суннитские исламисты, националисты Юга, отдельные племенные союзы и др.). Для защиты соплеменников от внешнего воздействия и нападения коалиционные племенные объединения в критический момент способны выставить вооруженное ополчение в несколько сотен или тысяч человек, что и происходило в том числе в период событий «арабской весны». Несмотря на крайне нестабильную обстановку, многочисленные противоречия между Севером и Югом и высокий уровень конфликтного потенциала, развитие информационно-коммуникационных технологий в стране осуществлялось достаточно быстрыми темпами. Так, по данным на 2011 год, число интернет-пользователей страны составляло более 3,6 млн человек (в 2006 году – около 110 тыс., в 1990 году – до 4 тыс.), а сотовой связью пользовались 11,7 млн человек (в 2006 году – 1,2 млн, в 1990 году – около 150 тыс.).

Данные факторы оказали влияние на развитие ситуации после того, как в конце января 2011 года на улицы столицы Йемена Саны вышли молодые люди, в основном студенты, недовольные долгим нахождением президента Али Абдаллы Салеха у власти. Дополнительное недовольство вызывало намерение президента передать власть своему сыну Ахмаду на предстоящих в 2013 году президентских выборах. Особенностью протестов являлось то, что молодые люди не принадлежали к каким-либо политическим партиям, а выходили на демонстрации благодаря самоорганизации в социальных сетях. Протестующие объявили о мирном характере демонстраций и потребовали отставки президента, отстранения от власти его родственников, занимавших ключевые государственные должности, проведения демократических и экономических реформ и создания гражданского общества. Демонстрации проходили в атмосфере доброжелательности и мира и к середине февраля 2011 года проводились на 90 % территории Йемена. Учитывая родоплеменную структуру йеменского общества, молодые представители этих племен также присоединялись к протестам в крупных городах, разбивая палаточные городки на их улицах. В конце февраля 2011 года к протестующей молодежи присоединились все оппозиционные партии, в том числе и «Движение хуситов». Мирный характер демонстраций был нарушен силами безопасности Йемена, начавшими применять оружие. Появились первые жертвы, количество которых стало неуклонно расти.

Уже к 18 марта 2011 года в столкновениях с силами правопорядка в городе Сана погибли 52 человека. От президента откололась часть его соратников, и 20 марта президент Салех распустил правительство. Позднее, в ноябре 2011 года, на фоне нестихающих протестов, он подписал с оппозицией договор о передаче власти. Тем не менее внутривнутриполитический кризис не был полностью урегулирован, и между властью и различными оппозиционными группировками продолжились локальные вооруженные столкновения.

В Ливии и Сирии протестные движения имели более драматичный характер, протестующим не удалось добиться своих целей ненасильственными методами, а внутривнутриполитические кризисы впоследствии переросли в гражданские войны. В Омане, Кувейте, Бахрейне и Иордании оппозиционные силы не достигли своих целей по смене правящих элит, однако смогли добиться значительных уступок со стороны власти (например, отставка правительства в Иордании, назначение досрочных парламентских выборов в Кувейте и др.). В Алжире, Саудовской Аравии, Марокко на фоне протестных настроений оппозиция вынудила власти расширить реализацию социальных программ и поспособствовала началу реализации структурных реформ в экономике.

Определенное влияние на общий ход протестов оказал уровень доступа к интернету. При этом социальные сети и интернет – лишь инструменты для организации протестующих масс, источником активности в которых выступали конкретные движения и организации. Благоприятной почвой для распространения протестных настроений стали в первую очередь низкий уровень жизни и недовольство населения существующим положением вещей. В эту модель укладывались практически все успешные выступления «арабской весны» [6].

Беспорядки в Каире. 2011 год

Так, в Тунисе ядром и координатором протестных акций выступила партия Исламского возрождения («Хизб аль-нахда»), в Египте локомотивом протеста стало движение «Братья мусульмане». В Йемене у правящей семьи Салеха были сложные отношения с семьей Аль-Ахмар из влиятельного племени Хашид, выступившей на стороне протестующих.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие ключевые особенности революционных преобразований в Северной Африке и на Ближнем Востоке с использованием сетевых технологий:

- отсутствие единого центра управления и принятия решений (технология «управляемого хаоса»);
- высокий уровень самоорганизации протестных акций в закрытых сообществах в виртуальной среде, что затрудняет контроль за ними;
- ориентация участников протестов на своих неформальных лидеров (блогеров, хедлайнеров), их мнения и призывы к выходу на несанкционированные мероприятия;
- синхронизация протестов в виртуальной среде и реальном мире, слаженность и массовость действий, скоординированность, оперативность и гибкость в смене тактики протеста;
- высокий уровень масштабируемости протестов за счет подключения новых пользователей: в различных социальных группах (студенты, школьники, учащиеся ссузов, вузов, их родители и т. д.) и с различными сферами интересов (участники закрытых групп в соцсетях, выступающих против власти, подписчики «независимых» СМИ и т. п.);
- умелое и широкое использование для достижения поставленных целей международных СМИ, НГО и интернета [7].

Значимое влияние на интенсивность и результативность сетевых протестов оказали следующие основные факторы:

- ухудшение базовых социально-экономических показателей в странах протеста (средний возраст населения, ВВП на душу населения, уровень безработицы, инфляция и т. д.);
- высокий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры государств (число сим-карт на душу населения, количество интернет-пользователей и др.);
- не адекватной обстановке уровень гражданских свобод;
- наличие погибших и пострадавших в ходе протестных выступлений, зачастую непропорционально жесткие ответные меры правоохранительных органов по отношению к демонстрантам.

Наиболее решительных и радикальных результатов протестующие добились именно в тех странах, где акции сопровождались силовыми столкновениями и значительным количеством жертв. Чрезмерно жесткая ответная реакция властей при подавлении демонстраций и разгоне митингующих также способствовала вовлечению в протест новых масс людей, которые до определенного момента оставались пассивными наблюдателями, однако возмущенные неадекватным применением силы тоже вышли на улицы.

В целом наложение указанных факторов (одновременно с унижением достоинства протестующих и перекладыванием на них ответственности за происходящие негативные события) привело к дополнительной радикализации протестных выступлений и их перерастанию в открытое противостояние с органами правопорядка в большинстве стран Ближнего Востока.

Таким образом, отсутствие эффективных механизмов обратной связи между обществом и властью, а также несоответствие принимаемых управленческих решений ожиданиям граждан в условиях низкой социальной защищенности и активного применения современных манипулятивных интернет-технологий сформировало благоприятную основу для реализации сценариев сетевых протестов, которые в 2011–2012 годах были успешно апробированы в странах Ближнего Востока [8].

«Сетевые революции» новой волны

В Европе и азиатском регионе они проходили уже с учетом «ближневосточного» опыта. Революционные преобразования с использованием сетевых технологий на Ближнем Востоке позволили властям многих стран проанализировать опыт сценариев «арабской весны» и в сжатые сроки «освоить» социальные сети, отслеживать происходящие в них процессы и мероприятия радикально настроенных сил, а также выработать упреждающие меры по локализации очагов протестных настроений [9]. С учетом этого оппозицией были применены более эффективные методы организации протестных действий, которые наиболее рельефно проявились в ходе массовых выступлений во Франции, Гонконге, Каталонии и России в 2018–2019 годах.

Наибольшее развитие указанные тенденции получили в ходе протестных выступлений в Гонконге (специальный административный район КНР), которые стали самыми высокотехнологичными за последние годы. Начавшись весной 2019 года, они продемонстрировали высокие возможности новых технических инструментов по быстрой трансформации локальных недовольств в широкомасштабные протестные действия.

Протесты начались в марте 2019 года в связи с подготовкой местными властями законопроекта, позволяющего экстрадировать жителей Гонконга правоохранительным органам материкового Китая. Попытки властей региона провести правовое слияние с материковым Китаем были восприняты жителями как покушение на автономию района и вылились в серию многомиллионных демонстраций. Одна из наиболее массовых акций прошла 16 июня 2019 года и насчитывала до 2 млн участников. Отмечались также масштабные столкновения с полицией и многочисленные задержания протестующих.

Высокий уровень развития инфраструктуры Гонконга позволил создать идеальную среду для экспериментов с новыми информационно-коммуникационными технологиями и агитационно-тактическими приемами. При этом сама цифровая среда стала основным пространством для продвижения политической повестки [10]. Новые коммуникационные технологии позволили заменить традиционные СМИ и стать агрегатором новостей и политических требований, направляющим инструментом эмоциональной волны протестов. Через чаты, всевозможные телеграм-каналы и мессенджеры проходила мобилизация участников и управление уличными акциями.

Так, более 90 % гонконгцев имеют постоянное подключение к интернету, более 80 % причисляют себя к активным пользователям социальных медиаресурсов (социальных сетей, мессенджеров, онлайн-видеоканалов). Социальные сети и различные сервисные приложения стали неотъемлемой частью и основным условием успешности уличных акций. При этом в Гонконге сформировался тренд на разделение функций между социальными сетями и мессенджерами. Соцсетям была отведена роль обеспечения информационного сопровождения и освещения событий для широкой аудитории, в том числе зарубежной. В свою очередь через мессенджеры осуществлялась координация протестной активности. Наибольшую востребованность у протестующих показал интернет-мессенджер Telegram, преимуществом которого стала возможность создания каналов и больших групповых чатов для информирования, обсуждения и согласования действий протестующих. Активно применялись другие цифровые решения.

В телеграм-каналах оперативно публиковались карты с обозначением мест активного противостояния, полицейских кордонов, отмечались точки, где можно укрыться от преследования, размещались графики с количеством участников митингов и календарь будущих мероприятий. Для обеспечения быстрой координации толпы использовалось приложение AirDrop (позволяет осуществлять прямую передачу данных между находящимися поблизости устройствами Apple). Места сбора для митингов, маршруты шествий размещались в общем доступе в интернете с использованием сервиса Google Docs. Политические плакаты и информация о будущих акциях загружались в сервис знакомств Tinder,

прямые трансляции велись на площадке для стримов Twitch. Водители приложения Uber размещали в мессенджерах свои контакты, останавливались в заранее оговоренных точках, отключали навигационные датчики и оказывали помощь протестующим.

Важную роль в масштабировании протестных выступлений в Гонконге сыграла активная вовлеченность в процесс IT-специалистов, деятельность которых способствовала наполнению информационного пространства протестным контентом (видеоролики, картинки), обеспечивалось управление большим количеством телеграм-каналов и т. д.

Новым успешно апробированным технологическим элементом действий протестующих стала тактика цифрового экономического бойкота, в рамках которой участники акций в соответствии с инструкциями организаторов массово изымали деньги с вкладов и дебетовых карт местных банков и переводили накопления в наличные средства и наиболее конфиденциальные варианты криптовалют, в которых информация о транзакциях не разглашается. В результате достаточно эффективного применения протестующими современных политтехнологий с 9 июня по 18 августа 2019 года, по данным мировых СМИ, в акциях протеста в Гонконге приняли участие от 230 тыс. до 2 млн человек. При этом, несмотря на такую численность, была обеспечена их беспрецедентная управляемость. Необходимо также отметить децентрализованный характер протестов в Гонконге по так называемому роевому принципу, когда для переговоров не было выявлено какого-либо лидера или группы управления данным процессом.

Общие тенденции формирования и развития очагов социальной напряженности

Во Франции решение правительства о повышении налога на автомобильное топливо спровоцировало 17 ноября 2018 года массовые антиправительственные выступления, переросшие в масштабные столкновения с полицией.

Сторонниками протестного движения, получившего название «желтых жилетов» (демонстранты были одеты в светоотражающие жилеты, которые автомобилисты обязаны всегда возить в машинах), во многих городах страны были организованы массовые уличные акции. Требования протестующих носили социально-политический характер и на пике активности движения зимой 2019 года расширялись до тезисов о необходимости выхода страны из ЕС и НАТО и отставки руководителя страны Э. Макрона. В самых крупных манифестациях принимало участие до 100 тыс. человек. В ходе беспорядков были сожжены сотни автомобилей, имелись человеческие жертвы. Правоохранительными органами осуществлялись массовые задержания, вводился комендантский час.

13-й общенациональный протестный день движения «желтых жилетов» в Париже. 2019 год
Фото Арина Лебедева/ТАСС.

В отличие от массовых протестов прежних лет, в которых ключевую роль играли профсоюзы и студенческие объединения, движение «желтых жилетов» возникло спонтанно, а его сторонники организовывали свои акции и координировали действия через социальную сеть Facebook, коммуницировали через Twitter. Только после того как протесты набрали обороты, в их поддержку выступили лидеры крупных политических партий и общественных объединений. Наиболее показательно распределенный и децентрализованный характер протестов во Франции характеризует тот факт, что на одном из этапов противостояния при поиске активистов движения, способных представлять интересы несогласных в переговорах, власти были вынуждены обращаться к модераторам групп в Facebook. При этом распространению призывов несогласных способствовало изменение алгоритмов работы сети Facebook в начале 2018 года. При формировании ленты для пользователя соцсеть стала отдавать предпочтение частным постам и снижать рейтинг страниц традиционных СМИ.

В Каталонии (автономное сообщество Испании) характер протестных выступлений также продемонстрировал наличие децентрализованной горизонтальной структуры протестов с элементами «цифровизации». Инициированные общественностью протестные акции в большинстве случаев развивались по не подконтрольным политикам сценариям, перерастая в беспорядки и столкновения с полицией. При этом общественные организации (Каталонская национальная ассамблея, «Омниум культурал» и др.) вынужденно мирились со своей второстепенной ролью в ходе уличных выступлений.

Массовые беспорядки в автономном сообществе начались 14 октября 2019 года, после того как Верховный Суд страны вынес приговоры 12 каталонским политикам в связи с их причастностью к проведению в 2017 году незаконного референдума о независимости. В знак протеста на улицы городов вышли десятки тысяч граждан (по данным мировых СМИ, самые масштабные акции собрали до 500 тыс. человек), были отмечены многочисленные акты вандализма: сжигались мусорные баки, автомобили, ломались дорожные знаки и т. д. В ходе столкновений полиции и демонстрантов пострадали десятки представителей с обеих сторон.

Основным средством координации действий протестующих в данном регионе стала сетевая платформа «Демократическое цунами», сайт которой зарегистрирован в офшорной зоне. Ресурс ориентирован на мобилизацию всех радикальных элементов Каталонии: от фанатов футбольного клуба «Барселона» до так называемых комитетов по защите республики. Последние создавались сторонниками сепаратистского движения в канун референдума 2017 года как группы прямого действия для акций неповиновения. Сообщения транслировались через соцсети Twitter, Instagram и закрытую группу в соцсети Facebook. Основным инструментом коммуникации выступали мессенджеры WhatsApp и Telegram (численность одного из каналов насчитывала около 320 тыс. подписчиков).

Отличительной особенностью протестов в Каталонии стало использование недовольными жителями региона собственного приложения для обеспечения анонимности и координации действий. Для получения доступа к функционалу приложения после скачивания зарегистрированному пользователю необходимо было поручиться за нового клиента, после чего в программе генерировался специальный код. По оценкам экспертов, подобная практика стала новой для акций гражданского неповиновения; она же наиболее типична для боевых организаций.

В России протестные выступления в июле 2019 года также эффективно координировались митингующими через социальные сети и мессенджеры при отсутствии явных лидеров. При этом по уровню мобильности демонстранты зачастую превосходили полицию и Росгвардию, которые нередко не успевали даже оцепить их [11].

Недовольство части населения вызвал отказ окружных избирательных комиссий Москвы допустить большинство независимых кандидатов к участию в выборах депутатов Московской городской думы из-за претензий к собранным подписям и иным документам. Несмотря на предупреждения властей, опасность задержания и возбуждение уголовных дел, несколько тысяч протестующих вышли на улицы. При этом подавляющее большинство участников составляла молодежь в возрасте около 25 лет.

В целом проведенный анализ характера и содержания протестных выступлений позволяет выделить следующие общие тенденции, присущие формированию и развитию очагов социальной напряженности в данных странах:

- масштабное задействование социальных сетей, мессенджеров и других специальных программных продуктов, в том числе позволяющих обеспечить анонимность и шифрование;
- высокая степень самоорганизации участников протестов, прежде всего за счет самоконсолидации в средствах массовой коммуникации (в первую очередь в социальных сетях);
- децентрализация протестов и их горизонтально-сетевая (роевая) иерархия;

- отсутствие явных лидеров (особенно на начальном этапе) протестного движения;
- неуправляемость, неподконтрольность уличных акций традиционным общественным институтам (политическим партиям, движениям, объединениям, профсоюзам и т. д.);
- дальнейшее углубление и расширение тренда на «цифровизацию» протеста.

В Республике Беларусь также фиксировались неоднократные попытки использовать современные информационные технологии для дестабилизации обстановки. Изначально потенциал так называемых независимых СМИ и различных оппозиционно-настроенных интернет-ресурсов задействовался для дискредитации итогов президентской избирательной кампании 2006 года и в ходе попытки реализации в стране «классического» сценария «васильковой революции», которая провалилась.

После президентских выборов 19 марта 2006 года представители оппозиционных сил организовали массовые митинги с требованием проведения «честных» выборов и пересмотра итогов голосования. Была объявлена круглосуточная акция протеста, а на Октябрьской площади Минска разбит палаточный городок. Ход событий активно освещался «независимыми» масс-медиа, в поддержку митингующих выступали послы ряда стран ЕС. В целях пресечения противоправных действий участников несанкционированных акций в ночь на 24 марта палаточный лагерь был демонтирован, участники протеста задержаны и привлечены к установленной законом ответственности.

Провал революционного сценария обусловил переход к цветным революциям нового типа [12] и попыткам Запада инициировать очередную волну протестов с использованием новых технических инструментов и агитационных приемов. С 2010 года социальные сети стали активно использоваться антибелорусскими силами для ретрансляции информации «независимых» СМИ. В 2011 году возможности соцсетей были впервые задействованы в Беларуси для организации серии протестов, вызванных недовольством населения финансовым кризисом, девальвацией белорусского рубля и резким ростом цен на социально значимые товары, под общим названием «революция через социальные сети» (РЧСС). Данный проект представлял собой фактически адаптированный к белорусским реалиям аналог политтехнологий, использованных в Тунисе, Египте, Сирии и других странах. «Точкой кипения» должна была стать общереспубликанская акция в День Независимости 3 июля с выводом на улицы Минска нескольких тысяч протестующих и объявлением о начале общенациональной забастовки. Через возможности социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook было организовано проведение ряда протестных акций в Минске. Для координации действий участников в сети размещалась информация о месте и времени уличных мероприятий, схема маршрутов движения, описание действий протестующих. Для расширения состава и географии протеста тиражировались открытые призывы к рабочим, служащим с предложением «объединиться во имя общей цели». География протестных мероприятий сосредотачивалась в столице и Минской области, а также в ряде западных регионов страны. Ход акций в тенденциозном ключе освещался корреспондентами оппозиционных СМИ.

Несмотря на это, очередная попытка инициировать в Беларуси волну протестных выступлений закончилась неудачей, а администраторы проекта РЧСС признали провальный характер акций. Дальнейшие попытки западных политтехнологов реанимировать проект успеха не имели.

Тем не менее накопленный опыт использовался при проведении в 2013–2015 годах акций «Стоп-налог», «Студенты против». Несмотря на постоянный «вброс» в соответствующие тематические группы соцсетей с достаточно большим количеством подписчиков критических материалов с призывом к участию в протестных акциях в условленное время, ожидаемого развития данные «инициативы» также не получили.

Очередная безуспешная попытка использования технологий сетевого протеста в Беларуси отмечена в 2017 году в ходе подготовки и проведения уличных акций против реализации положений Декрета № 3 под общим названием «Марш рассерженных белорусов». Организационное «ядро» по руководству и координации протестных мероприятий было представлено отдельными оппозиционными лидерами, которые активно использовали личные страницы в социальных сетях для размещения сценариев предстоящих акций. Впоследствии данная информация активно тиражировалась в группах и сообществах, а также на новостных ресурсах «независимых» масс-медиа, оказывая мобилизующее воздействие на интернет-аудиторию и пользователей социальных сетей.

Отдельные приемы современных информационно-коммуникационных и сетевых технологий также применялись в ходе проведения в 2019 году парламентской избирательной кампании, когда по призыву в телеграм-канале Nexta (по решению суда признан экстремистским ресурсом 20 октября 2020 года) 8 ноября 2019 года на площади Свободы в Минске собралось несколько сотен преимущественно молодых людей. Несмотря на неорганизованный характер

импровизированного митинга и отсутствие четко сформулированных лозунгов, прошедшая акция продемонстрировала наличие потенциала для перерастания сетевого недовольства в уличное.

Апробированные в 2019 году отдельные приемы политехнологий сетевого протеста в полной мере были реализованы в Беларуси в ходе президентских выборов летом 2020 года, когда республика столкнулась с беспрецедентным внешним давлением, направленным на смену действующей власти и изменение геополитической ориентации страны. Это привело к существенному увеличению на территории республики протестной активности населения, организованному использованию более современных политехнологий и максимальному задействованию информационно-коммуникационных возможностей (концентрированная политизация блогосферы, массивное нагнетание протестных настроений, масштабная антипрезидентская кампания в медиапространстве и т. д.).

В настоящее время негативное информационное воздействие на Беларусь отличается сохраняющимся многообразием каналов передачи информации и коммуникации (соцсети, мессенджеры, видеохостинги), их децентрализацией, обилием различных тематик воздействия. За последнее время отмечено увеличение информационно-коммуникационной роли интернет-мессенджеров, обладающих высоким мобилизационным потенциалом. Использование телеграм-каналов как источника мгновенного формирования и трансляции информационного контента изменило привычную (от центра) схему информационного влияния, которое стало более распределенным по конкретным сетевым группам. На белорусской общественно-политической проблематике специализируется более ста телеграм-каналов, наиболее популярные из которых продолжают транслировать информационный контент преимущественно на молодежную целевую аудиторию.

Таким образом, анализ событий «арабской весны» и применения сетевых технологий в странах европейского, азиатского регионов и в Беларуси свидетельствует о том, что в условиях формирования сетевого общества «сетевые революции» представляют собой новую усовершенствованную форму протеста и являются эффективным инструментом, который может использоваться для смены политических режимов. В их основе лежит активное использование потенциала интернета, а также современных информационно-коммуникационных технологий и средств социальной коммуникации.

На смену цветным революциям фактически пришел новый тип революций 2.0, обусловленных использованием современных сетевых технологий, которые позволяют в кратчайшие сроки мобилизовать для участия в протестных акциях огромное количество лично не знакомых и не связанных между собой людей. Целенаправленное манипулирование средствами сетевых коммуникаций позволяет согласовывать интересы, позиции и точки зрения огромного числа людей, разбросанных в пространстве, формировать у них чувство принадлежности единому целому (группе, сообществу, территории и т. д.) [13]. Их использование позволяет аккумулировать протестный потенциал, осуществлять запуск социального протеста, переводить его в массовую форму и использовать для получения политических результатов.

В Беларуси защищенность от классических цветных и новых «сетевых революций» формируется главным образом за счет сильной государственной власти, в первую очередь личного авторитета главы государства, многовекторности внешней политики, эффективной военной организации государства, правоохранительной системы. Кроме этого, в стране сформирована правовая и организационная основа системы мер по противодействию сетевым технологиям протеста и защите национальных интересов, активно ведется международное сотрудничество в данной сфере.

Тем не менее в условиях достаточно высокой развитости национальной IT-индустрии и широкого использования населением средств сетевой коммуникации необходимо учитывать международный опыт развития сетевых протестов для предупреждения дальнейших возможных попыток их применения в белорусском социуме. Глубокое и всеохватывающее проникновение в белорусское общество современных коммуникационных технологий создает благоприятную основу для использования программных продуктов и медийных инструментов в деструктивных целях и формирует риски национальной безопасности в информационной сфере. При этом все большему манипулятивному воздействию подвергается наиболее уязвимая категория – молодежь до 30 лет, которая наиболее подвержена радикализации и политизации, обладает высоким уровнем конфликтного потенциала.

В данном контексте важным является дальнейшее совершенствование государственной политики в социальной сфере, направленное на обеспечение более широких социальных гарантий и возможностей экономической, профессиональной, творческой, духовной самореализации молодежи как потенциальной группы риска, что позволит снизить ее мотивацию к новым формам сетевого протеста.

Актуальным также является дальнейшее расширение государством и его институтами возможностей для вовлечения в управление страной различных слоев и групп населения (в том числе молодежи), учет (при выработке управленческих решений) экспертных возможностей профессиональных групп общества для минимизации принятия непроработанных, необоснованных, поспешных и не отвечающих интересам граждан страны решений. Кроме того, эффективное наступательное использование потенциала государственных органов, осуществляющих информационное обеспечение государственной политики, также будет способствовать выработке в обществе иммунитета от сетевых технологий манипулирования.

В условиях проводимой государственными органами работы по обновлению Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в соответствии с поручением главы государства указанные вопросы использования информационно-коммуникационных и сетевых технологий в деструктивных целях могут быть также учтены в указанном документе стратегического планирования.

Статья поступила в редакцию 23.07.2021 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / Дж. Шарп. – М.: Новое издательство, 2012. – С. 71.
2. Пургин, Ю.П. Сетевая революция: вызовы традиционным СМИ // Философия и искусствоведение. – 2014. – № 4 (15). – С. 172.
3. Иванов, О.Б. Социальные конфликты и политический протест в России последних лет / О.Б. Иванов // Политика и общество. – 2019. – № 6. – С. 1–14.
4. Косов, А.П. США и «арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества / А.П. Косов // Вестник РУДН. Сер. Междунар. отношения. – 2016. – Том 16, № 3. – С. 473–481.
5. Соколов, А.В. Сетевая организация протеста: «Стратегия-31» / А.В. Соколов, А.А. Фролов // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2013. – Том 1, № 2. – С. 91–96.
6. Ксенофонтова, И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения / И.В. Ксенофонтова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–116.
7. Мизюркин, Ю. Роль Интернет-коммуникаций в движении протеста в странах Магриба и Ближнего Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/rol_internet-kommunikacij_v_dvizhenii_protesta_v_stranah_magriba_i_blizhnego_vostoka_2013-11-02.htm. – Дата доступа: 26.11.2020.
8. Хенкин, С.М. Потенциал массового протеста в условиях противоречивых перемен / С.М. Хенкин // Политика. – 1998. – № 2. – С. 129–146.
9. Тиханычев, О.В. Использование моделей на основе численной теории риска для поддержки принятия решений по противодействию деструктивным социальным технологиям / О.В. Тиханычев // Вопросы безопасности. – 2020. – № 1. – С. 44–58.
10. Чудова, Н.В. Психологические особенности коммуникативного пространства Интернета / Н.В. Чудова, М.А. Евлампиева, Н.А. Рахимова // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. – 2009. – № 142. – С. 50–57.
11. Тимофеева, Л.Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности / Л.Н. Тимофеева // Конфликтология. – 2012. – № 3. – С. 64.
12. Курылев, К.П. Беларусь как объект «цветной революции» // Постсоветские исследования. – 2018. – № 4. – Т. 1. – С. 382.
13. Кузнецова, Ю.М. Психология жителей Интернета / Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.